

СЕРИЯ «НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ»

**ДИСКУРС И СТИЛЬ:
теоретические и прикладные аспекты**

Коллективная монография

Под редакцией Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной,
Н.В. Смирновой

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2014

УДК
ББК

Д??

Издание осуществлено в рамках
научно-исследовательской программы
Стилистической комиссии Международного комитета славистов.

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *М.Ю. Казак*;
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Цветова*;

Д?? Дискурс и стиль : теоретические и прикладные аспекты : колл. монография / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. — 272 с.

ISBN 978-5-(ФЛИНТА)

ISBN (Наука)

Коллективная монография посвящена актуальной проблеме лингвистики — соотношению понятий *стиль* и *дискурс*. Ведущие ученые России, Австрии, Польши, Белоруссии, Литвы, Украины ставят острые дискуссионные проблемы: что есть *стиль* и что есть *дискурс*? возможна ли таксономия дискурсов и совпадает ли она с таксономией функциональных стилей литературного языка? каково будущее стилистики и дискурсологии — конкуренция или конвергенция? Сама постановка этих дискуссионных тем очень важна для развития теории современной лингвистики, объединяющей традиционную стилистику и относительно новые дискурсологию и коммуникативистику. Теоретические проблемы изучаются на примерах различных типов дискурсов. Особенностью данной монографии является ее дискуссионный характер: в ней не делаются заключительные выводы, напротив, в ней ставятся острые проблемы, которые предлагаются научной общественности для дальнейшего обсуждения.

Для специалистов, преподавателей, аспирантов и студентов филологических и журналистских специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК
ББК

ISBN (ФЛИНТА)
ISBN (Наука)

© Колл. монография под ред.
Солганика Г.Я., Клушиной Н.И.,
Смирновой Н.В., 2014
© Издательство «ФЛИНТА», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов 5

СТИЛЬ И СТИЛИСТИКА: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Гайда С. Философия стиля 9

Баженова Е.А. Дискурс—текст—стиль в ракурсе функциональной стилистики 18

Воронцова Т.А. Границы стилистики и стиля в современной научной парадигме 27

ДИСКУРС В СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Кожемакин Е.А. Дискурсные исследования в России и на Западе: опыт сопоставительного исследования 35

Кашкин В.Б. Дискурс: пределы точности 46

Чернейко Л.О. Дискурс: языковая реальность или лингвистическая мифология? 52

Мальшичева Е.Г. Лингвокогнитивный анализ дискурса: базовые понятия, термины, методики и аспекты исследования 72

Безуглая Л.Р. Три этапа развития лингвопрагматики: от речевого акта к дискурсу 81

Селезнева Л.В. Направления и подходы в теории дискурса 94

ДИСКУРС И СТИЛЬ: КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ КОНВЕРГЕНЦИЯ?

Тошович Б. Стиль и дискурс: сходства и различия 105

Хазагеров Г.Г. Две возможности дискурсивной стилистики 116

Бжозовская Д. Стиль и дискурс 128

Орлова О.В. Стиль vs дискурс 154

Негрыйшев А.А. Дискурс-анализ и стилистика текста: точки пересечения в методологии исследования (на материале новостного медиадискурса) 169

Клушина Н.И. Дискурс и стиль: пути и перекрестки современной лингвистики 177

Зигзаги дискурса и гармонизация текста

Слово *дискурс*, как я попытался показать ранее [Демьянков 2012], не является орнаментальным вариантом термина *текст*. Прямое значение слова *текст* — предмет, а метонимическое — ‘прочтение текста’. В этом переносном смысле текст можно определить как вербальную составляющую коммуникации, которая обладает смыслом только в той мере, в какой интерпретируется читателями и слушателями, опирающимися на знание мира. Этот интерпретированный текст уходит далеко за пределы собственно сказанного в тексте, т.е. включает логические выводы, производимые читателем и не всегда замеченные самим автором.

Дискурсом чаще всего называют речь (в частности, текст в указанном выше метонимическом смысле) в ее становлении перед мысленным взором интерпретатора. Интерпретатор помещает содержание очередной интерпретируемой порции дискурса в рамки уже полученной промежуточной или предварительной интерпретации. В результате устраняется при необходимости неоднозначность, недоговоренность, определяется коммуникативная цель каждого предложения и шаг за шагом проясняется драматургия всего дискурса.

По ходу такой интерпретации воссоздается — «реконструируется» — мысленный мир, в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал свой текст и в котором описываются реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т.п. положение дел. В этом мире мы находим характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий (в частности, поступков действующих лиц) и т.п. Этот мысленный мир включает также домысливаемые интерпретатором (с его неповторимым жизненным опытом) детали и оценки.

Зигзагом дискурса можно назвать то явление, когда от одной точки зрения интерпретатор вынужден переходить к другой, для того чтобы установить гармонию в «трудном» тексте. Например, в обыденной речи сочетание наречий *всегда* и *обычно* встречается очень часто и на первый взгляд не вызывает никаких подозрений

[Демьянков 2007]: **Обычно всегда** удавалось решить проблему, сделав взаимные уступки и спрямляя линию границы (Н.С. Хрущев. Время. Люди. Власть. Кн. 2. Ч. 3). Однако если нечто происходит или обладает некоторым качеством **обычно**, значит, иногда бывают случаи, когда это не так, и поэтому случается **не всегда**. И тогда зачем *всегда* после *обычно*? Интерпретатор готов на зигзагообразные движения своей мысли, исходя из презумпции нормальности текста (и его автора).

Аналогично воспринимаются и другие подобные сочетания временных «кванторов общности», например:

— **обычно и никогда**: ... от волнения он даже вставляет не совсем приличные слова, чего **обычно никогда** не делает (А.Я. Бруштейн. Дорога уходит в даль... Кн. 2. В рассветный час. 1957—1958); Чик хорошо знал последовательность его действий. Они **обычно никогда** не менялись (Ф. Искандер. Рассказы о Чике);

— **обычно и как правило**: Это **обычно** был моряк в свитере, пришедший сюда прямо с корабля в короткую минуту стоянки, с двумя девушками — **как правило**, именно с двумя (Ю. Семенов. Дунечка и Никита); причем между *обычно* и *как правило* в рамках простого предложения чаще всего идут другие члены предложения;

— **как правило и всегда**: **Как правило, всегда** бывает наоборот (С. Агаев. Седьмой совершенный); Среди собак-ищеек у дамочек нюх, **как правило, тоже всегда** лучше, чем у кобелей (Г.П. Климов. Протоколы советских мудрецов).

Анализ большого корпуса текстов на русском языке различных жанров показывает: словосочетание *обычно всегда* обладает огромной частотностью и встречается не только в СМИ, но и у больших мастеров слова XX—XXI вв.

О механизмах восстановления гармонии, «оправдания» логического противоречия, возникающего из-за соседства двух данных обстоятельств в тексте, и пойдет речь ниже.

Например: Этот ключевой пост научно-технической разведки **обычно всегда** занимал офицер КГБ (К. Эндрю, О. Гордиевский. КГБ). Перифразировать это предложение можно так: «Обычно было так, что офицер КГБ занимал этот пост постоянно (а не временно и не по совместительству)».

Аналогичен перифраз у следующего предложения: [...] мистер Стерн **обычно всегда** был под рукой, черный том номер 61 из «Би-

блиотеки всемирной литературы» лежал на краешке письменного стола, а его цветная суперобложка занимала пустующее место среди других томов БВЛ (А. Житинский. Потерянный дом, или Разговоры с Милордом). А именно: обычно книга Стерна постоянно была под рукой и нигде не исчезала.

Несколько изысканней оправдание следующего предложения: *Спуск **обычно всегда** легче подъема, если он не особенно крут* (В. И. Пальман. Кратер Эршота): во всех ситуациях есть спуск и подъем; и обычно бывает так, что спуск не время от времени, а всегда легче подъема.

Еще большая изобретательность потребует от интерпретатора в следующих случаях: *Шли они мимо даже одной «Волги», хотя у «волг» **обычно всегда** есть гараж, и им не свойственно легкомыслие «запорожцев»* (Вл. Кунин. Повести); [...] мне, как плотнику, **обычно всегда** в первом эшелоне ехать приходилось... (А. Шубин. Непоседы).

Наконец, верх находчивости требуется от интерпретатора такого предложения: [...] сказал вдруг Антон, **обычно всегда** молчавший и сосредоточенно пивший свой чай (В. Некрасов. В родном городе). А именно: в большинстве сфер жизни (поэтому и *обычно*), в которые попадал Антон, он всегда молчит.

В некоторых случаях возможность такой интерпретации исключается из-за наличия еще одного обстоятельства времени, например: **Обычно всегда** элегантный, в изысканных костюмах, **сейчас** Михаил Сергеевич в свитере, выглядит похудевшим, ниже ростом и чрезвычайно возбужденным (Л. Матрос. Презумпция невиновности). Вряд ли автор имел в виду, что «обычно было так, что всегда элегантный М. С. сейчас выглядит похудевшим»: *обычно* нельзя «увязать» с *сейчас*. Тем не менее мы не замечаем отклонений и у такого предложения.

Мешать истолкованию может и вид глагола, например: *Не случайно именно на эту статью отреагировал **обычно всегда** пассивный «Сионистский Форум» Щаранского* (Л. Гунин. ГУЛаг Палестины). Если бы вместо *отреагировал* стоял итеративный глагол *реагировал*, то такой изгиб интерпретации был бы легче.

Следующее предложение допускает подобный перифраз только при путешествии одного и того же субъекта — «Я» — по возможным мирам: *Кошка на коленях **обычно всегда** меня успокаивает*

вает (А. Хургин. Комета Лоренца): «Во всех возможных мирах, в которых я бываю...». Но явно не это имел в виду автор.

Парадоксальность таится и в предложениях, содержащих производные от наших лексем, скажем отрицательные атрибуты: **Всегда что-нибудь притаскиваешь необычное** (Е. Кукаркин. Рассказы и повести). Если ты всегда притаскиваешь нечто, то оно должно стать обычным. Однако каждый раз это бывает необычным, т.е. каждый раз не похож на остальные. Такая «необычность» в данном примере подается как привычное, т.е. обычное явление (или, как говорили в XIX веке, «обыкновенная история»), и задача интерпретатора заключается в том, чтобы установить гармонию между постоянным свойством мира и необычностью эпизодов жизни в нем.

Искусному интерпретатору по плечу и предложения типа: *Я говорил возбужденно, и, как **всегда** в таких случаях, голос мой звучал тоньше, чем **обычно**, что мне не нравилось* (Р. Ибрагимбеков. Структура момента). Здесь на первый взгляд сопоставляются свойства двух различных возможных миров: мир, каким он бывает всегда (как **всегда** в таких случаях), и привычный, обычный мир (голос мой звучал тоньше, чем **обычно**). Если же приглядеться, то заметим: свойства, которыми нечто обладает всегда, во втором предложении подаются как обычные, но все-таки не обязательно постоянные.

Иногда скрытые несурезицы бывают связаны не с совместным употреблением двух наших лексем, а с ограничениями на употребление одного из этих наречий, например: **Обычно он любил плавать и показывать всем разнообразные стили, и плавал **всегда** долго** (М. Климова. Голубая кровь). Странность этого предложения заключается в том, что один и тот же субъект, представленный «сингулярным термом» (singular term), не может «обычно любить». А вот «множественным» субъектам это позволительно, ср.: *Дети обычно любят манную кашу* при явно неправильных: * *Паша обычно любит манную кашу* и * *Паша обычно любил манную кашу*.

Итак, **обычно** интерпретируется «без извилин»¹⁴ с именем множества объектов, этим отличаясь от всеядного **всегда**, ср.: *Все дети*

¹⁴ Вспомним пастернаковское: *А ты прекрасна без извилин, / И прелести твоей секрет / Разгадке жизни равносильны*. Такова же и презумпция нормальности, с которой интерпретатор толкует трудный текст.

обычно всегда любят манную кашу, где имеется в виду каждый отдельный ребенок.

В некоторых случаях коллизии смыслов интерпретатором не замечаются из-за слишком большой дистанции в предложении между двумя наречиями, например: *Еще Маруся помнила, что ей на ночь **всегда** давали молоко, у них была большая кружка с синим и золотым ободком, и мама говорила, что она «папина», а папа **обычно** был в рейсе, то есть в море. Маруся знала, что папа моряк, и она гордилась тем, что пьет из папиной чашки* (М. Климова. Голубая кровь). Спрашивается: из папиной чашки Маруся пила молоко всегда или обычно? И когда она гордилась тем, что пьет из папиной чашки: всегда или обычно?

Истолкование таких предложений напоминает путешествие по листу Мебиуса: отправляясь на поиски их интерпретации, мы незаметно покидаем исходный возможный мир и попадаем в другой. Например, из абсолютного **всегда**-мира (такого, каким он является всегда) неожиданно мы попадаем в мир обычного, но не «всегдашнего», не вечного.

Вплоть до начала XX в. подобных конструкций в корпусе литературных русских текстов мы не встречаем. Да и в западноевропейских языках подобные сочетания до сих пор очень редки или просто отсутствуют (об этом также см.: [Демьянков 2007]).

По внутренней форме наши два наречия различны. **Обычно** то, к чему кто-либо (субъект высказывания или действия) привык, то, что для него автоматически и ожидаемо: это отмечено еще в словаре [Даль 1880—1882]. **Всегда** же бывает то, о чем говорится как происходящем безотносительно к чьим-либо презумпциям или ожиданиям. То есть **обычно** — наречие субъективной установки, даже прогноза и ожидания, а **всегда** порождает у интерпретатора гипотезу о незыблемых или **вечных** свойствах мира. Именно на таком противопоставлении основано употребление сочетания *обычно, но не всегда*.

Русскому **обычно** в западноевропейских языках соответствуют слова с очень разными внутренними формами, но непременно в этих эквивалентах чувствуется субъективная установка. Потому-то и считают их эквивалентами русского **обычно**. В английском это *usual, usually*, производные от *use* «употребление»; *commonly* (*he is commonly known as Jack* — «его обычно зовут Дже-

ком'), *generally* и *ordinarily* (*They generally / ordinarily go to the theatre on Sundays*), *mostly* (*to work mostly in the morning* — 'работать обычно по утрам').

Лексеме *всегда* в словарях общей лексики русского языка всегда посвящается отдельная статья, а лексеме *обычно*, например в словаре В.И. Даля, отдельной статьи не находим.

Складывается впечатление, что по-русски вечное (то, что бывает **всегда**) гораздо легче сочетается с идеей обычного, чем в западноевропейских языках. Действительно:

1. Слово *eternity* в английских текстах радикально отмежевало от понятия «обыденная жизнь», ср.: *Eternity resembles / One long Sunday afternoon* «Вечность напоминает одно длинное воскресенье после полудня» (D. Justice. *Nostalgia and Complaint of the Grandparents*).

2. Вечность в английских текстах «надчеловечна»: *It was like passing out of Time into Eternity — for it is a sort of Eternity for a man to have his Time all to himself* (Charles Lamb. *Last Essays of Elia*. 1833). А в русских текстах подчеркивается иногда противоположная идея, ср.: *Хоть не вечен человек, / То, что вечно, — человечно* (А. Фет. *Целый мир от красоты...*).

3. В английских текстах говорят о «глубокой» вечности, а время — обыденное, обычное — характеризуется как нечто плоское: *Under all speech that is good for anything there lies a silence that is better. Silence is deep as Eternity; speech is shallow as Time* (Sir Walter Scott. *Critical and Miscellaneous Essays*. 1838).

4. По-русски вечность обычно представляли и представляют сходным образом; однако в XIX в. наступает перелом: *Нам вот все представляется вечность как <...> что-то <...> огромное! <...> И вдруг, вместо всего этого, <...> будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот вся вечность* (Ф.М. Достоевский. *Преступление и наказание*).

Более того, в русской словесности начала XX в. иногда проскальзывает мысль о том, что вечность — эдакий простачок, которого легко обмануть: *У вечности ворует всякий, / А вечность — как морской песок* (О. Мандельштам).

Эта мысль перекликается с идеей У. Шекспира о том, что время нечестным путем пытается приблизиться к вечности — но не достигает этого: *Time's thievish progress to eternity* (William Shake-

peare. *Sonnet 77*). Однако у Шекспира *eternity* — далеко не простачок.

Иначе говоря, по-русски речь о **вечности** не запрещается в сочетании с **обыденным** — в отличие от английского, немецкого и французского. Вот почему в этих языках сочетания типа *обычно всегда* (*usually always* и т.д.) напоминают, скорее, детскую речь и очень похожи на наивно-детское выражение *big enormous* «большой-огромный» (по-русски тоже очень характерное для детей), напр.: *A GREAT big enormous trout came up — kerpflop-p-p-p!* (B. Potter. *The Original Peter Rabbit Books*).

Итак, слово *обычно* не является «ослабленным» или «размытым» вариантом наречия *всегда*. Иначе сочетания *обычно всегда* и *всегда обычно* запрещались бы однозначно. Вряд ли в приведенных примерах имеем дело и с «самоуточнением» типа: *обычно всегда* = «обычно, и даже более того, всегда» и *всегда обычно* = «всегда, а точнее, обычно». Скорее, можно предположить, что *обычно всегда* представляет собой отдельную (хотя и допускающую разъединение в предложении) единицу словаря со значением «мне кажется, всегда». Эта единица представляет собой один член предложения — обстоятельство, а не сочинение двух обстоятельств. Употребляя эту сложную единицу, говорящий «самоустраняется» от защиты своих высказываний, а читатель (обычно, но не всегда), совершая свои интерпретационные виражи, не ропщет и великодушно сносит капризы противоречивого текста.

Литература

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2. — М., 1880—1882.
- Демьянков В.З. Осциллирующая интерпретация предложений с сочетанием *всегда обычно* // *Язык и действительность: сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака*. — М., 2007. — С. 481—489.
- Демьянков В.З. Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастивной политологической лингвистики // *Язык СМИ и политика* / под ред. Г.Я. Солганика. — М., 2012. — С. 77—120.